

Александр ЧАЦКИЙ

Дина Фрумина

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

"Приходите почаще.
Ведь в какой-то из дней я уйду
И не вернусь никогда"

(из беседы с Д. М. в 2005 г.)

Есть люди, значение которых при жизни общепризнанно (я не имею в виду официальную власть), но с их уходом оказывается, что они становятся нужнее, значение их возрастает. Как часто теперь я вспоминаю Дину Михайловну, хотя раньше я мог неделю-другую ей не звонить, а позвонив, слышал шуточный ответ на вопрос: "Как дела?" — и легкую обиду на то, что так долго ей не звонил.

В последние годы, когда физические силы стали убывать, она экономно их расходовала, редко выходила на улицу и всегда огорчалась, когда не могла посетить чью-то выставку. Когда ей трудно стало рисовать маслом, она перешла на пастель. Мечтала нарисовать портрет Киры Георгиевны Муратовой...

В последний месяц жизни Дина Михайловна заинтересовалась поэзией Эвелины Шац и, зная, что у меня большая библиотека, спрашивала ее книгу. К сожалению, книг Э. Шац у меня не было. Тогда Дина Михайловна попросила книгу воспоминаний Валентины Голубовской, которая упоминает о ней.

В последнее воскресенье ее жизни я принес книгу и неожиданно сильно огорчил Дину Михайловну тем, что забыл показать ей эту Л.К. Богодаровой, который недавно приобрел, и хотел знать ее мнение о нем.

Дина Михайловна рассказала, что знала Л.К. Богодарову до войны по Одесскому художественному училищу, затем — по Киевскому художественному институту. "Когда у меня была большая выставка на Пушкинской (в музее западного и восточного искусства в 2002 году), — сказала мне Дина Михайловна, — она приходила на выставку и оставила в книге отзывы..." — тут Дина Михайловна замаялась, и я за нее досказал: "Хвалебный отзыв". "Да, очень похвальный, поэтому я хотела посмотреть ее этюды. А каков Ваш?"

"Это фонтанский берег в жаркий, знойный день, когда море сливается с небом, по цвету напоминая топленое молоко, а воздух от жара делает предметы размытыми, дрожащими. Я принесу его в следующее воскресенье!"

Но рано утром в субботу, 30 июля 2005 года, Дина Михайловна почувствовала себя плохо, вышла на балкон... и воскресенье для нее уже не наступило.

Похоронили Дину Михайловну на Третьем еврейском кладбище. Проститься с ней пришли художники, искусствоведы, работники одесских музеев и просто знакомые. Людей и цветов было много. Когда опускали гроб, пошел дождь, как часто бывает, когда хоронят хороших людей.

В январе 2005 года, как-то в телефонном разговоре... а у нас была традиция: после окончания всех дневных дел, к часам 23-м, Дина Михайловна освобождалась и могла мне позвонить или ответить на мой звонок. Разговор обычно продолжался час-полтора. Так вот, в январе Дина Михайловна мне говорит: "А знаете, я стала писать воспоминания о художественном училище!" Писать ей было легко, ведь она многие эпизоды рассказывала своим друзьям, только времени было мало — по ночам, после всех дневных хлопот. Но она успела! Книга должна была выйти к 30 мая — дню 140-летия Одесского художественного училища — и была подписана в печать в издательстве "Друк" 15 апреля.

Книжка уникальна вдвойне: количеством людей, которые проходят перед нами, и личностью автора, который на склоне лет (91 год) смог создать такое яркое полотно, не сидя в библиотеке, архиве, не пользуясь вспомогательной литературой.

Помощь Дине Михайловне оказала Тамара Петровна Михайличенко, которая перевела рукопись в набор и занималась ее редактированием. Спасибо ей.

На пространстве в 120 страниц создается жизнь училища на протяжении 40 лет.

Книга фрагментарна, но, как из мозаики создается картина, так из отдельных фрагментов возникает широкая панорама жизни одесских художников в середине XX века.

Она дает краткие, точные характеристики творчеству многих художников (Мучник, Фраерман, Жук), прослеживая судьбу некоторых из них (Волокидин, Шовкуненко).

Легкий слог автора заставляет читателя просто "проглотить" книгу. Поразительно число студентов, преподавателей, которых вспоминает, характеризует, описывает дальнейшую судьбу Дина Михайловна. Перед глазами проходит галерея в несколько сот (!) героев.

Хочется, чтобы власть предрасположенные обратили внимание на несколько дельных замечаний, вскользь сказанных Диной Михайловной.

В частности, об отделении театрального училища от художественного, о переименовании училища имени художника Грекова (Митрофанова), который лишь окончил одесское училище до революции, в училище имени художника П.Г. Волокидина, который много лет преподавал в нем.

Перечитывая свою книгу, Дина Михайловна говорила мне, что она вспоминает дополнительные эпизоды, которые можно было бы внести во второе издание (ведь тираж, за счет автора, был 100 экземпляров). К нашему сожалению, этого уже не будет.

Наш читатель не избалован литературой об одесских художниках. Могут назвать лишь шесть²⁾ книг, вышедших за полвека: две книжки киевского искусствоведа В.А. Афанасьева ("Товариство південноросійських художників", Киев, 1960 г. и "Майстри пензля", Одесса, 1960 г.), книгу В.П. Смирнова и А.П. Грабовского "Баранова, 27", Одесса, 1993 г., которые посвящены одесским художникам конца XIX — начала XX века. В 2001 г. в Одессе вышел сборник по истории авангардного искусства Одессы в XX веке, под названием "Черный квадрат над Черным морем", в 2002 году — воспоминания Михаила Кириаковича Костанди об отце, в 2003 году — книга С.С. Шевелева "Одесское художественно-театральное училище им. Грекова (1865 — 2001 гг.)".

Но вернемся к книге Дины Михайловны: читая ее, невольно постигаешь трагедию Отечественной войны — столько талантливых художников она забрала.

Мне, влюбленному в искусство импрессионистов, приятно было прочитать такую мысль Дины Михайловны:

"К сожалению, передвижники, приглашая одесских художников для участия в выставках (сулящих материальный интерес), оказали значительное влияние на живопись одесситов, заразив литературностью социального характера, иллюстративностью". Это "к сожалению" дорогого стоит!

А как точна критика работы Художественного музея на ул. Софиевской. В экспозиции которого мало находим живописи нового

времени, этюдов Коновского, Феферкорна, Олышанецкого и многих других художников.

"Музей не утруждает себя хотя бы периодическими экспозициями произведений, хранящихся в запасниках, что повысило бы профессиональную значимость, ценность, а отсюда и посещаемость музея, так как бесценная экспозиция снижает интерес к нему.

Теперь, когда гибнет дворец Воронцова, можно поставить и положительно решить вопрос об организации там филиала музея образительного искусства, в запасниках которого хранятся произведения, достойные созерцания".

А мысль о выставках лучших работ учащихся училища с правом на продажу, ради материальной поддержки их авторов? Разве это не злободневно?

"Студентам никогда не жилось настолько вольготно, чтоб не возникала необходимость побочной работы. А это всегда отнимает время и силы учащихся, необходимые в учебном процессе".

Скупно пишет Дина Михайловна о своей личной жизни, своих друзьях. Все страницы посвящены Искусству, художественному училищу.

Дина Михайловна вспоминает: "Я была однажды (!) приглашена для участия во вступительных экзаменах в училище. Директор собрал нас, коллег (...) и объяснил, в чем заключаются обязанности экзаменатора живописи, рисунка и композиции, затем вскрыл конверт и... прочитал: "Рабочих — столько-то процентов, колхозников — столько-то процентов, служащих — столько-то процентов, евреев — столько-то процентов". Удивившись, я спросила: "Еврей — это профессия, рабочий — это национальность?..."

Во вступительных экзаменах я участия больше не принимала".

Не могу отказать себе в удовольствии привести следующий пассаж Дины Михайловны, точно рисующий ситуацию в учебных заведениях страны. (Дина Михайловна преподавала с 1948 года по 1968 год.)

"...Преподавать с каждым годом становилось все труднее. После войны (...) все еще свирепствовала сталинская эпоха, система доносов, допросов, арестов еще не миновала. Бездарных, слабых учеников вербовали в доносчики. Эту миссию они выполняли охотно, получая сносные отметки и дипломы. Художником никто из них потом не стал, но название "художник" давало им какие-то возможности занять место, дающее средства к существованию. На этих административных должностях, кроме вреда, от них нечего было ожидать, они выслуживались перед КГБ, становились его чиновниками, продолжая из зависти делать зло".

"Для нас, преподавателей, перегрузка, связанная с общим потоком забот, преодолением количества письменной работы по программе и отчетам о работе, которую админи-

страция училища считала значительнее сути обучения, была общей бедой и темой противостояния бюрократизму администрации".

В заключение Дина Михайловна отмечает, что "многое зависит от степени дарования, от любви к избранному делу, но чуть ли не главным здесь становится трудоспособность студента, его настойчивость в реализации неугасимого чувства Прекрасного, которое требует выражения.

Надо развивать трудом ученика заложенные в нем ростки чувства Прекрасного, не задевая, не нарушая его индивидуальности обыденностью, стандартностью указаний".

Дина Михайловна нашла в себе силы остаться собой вопреки эпохе. Для нее вопросы духовной жизни были выше любой обыденности.

После выхода книги Дина Михайловна задумала написать еще две: "Эвакуация" и "Самарканд". "Эвакуация" была закончена в июле. Будем надеяться, что ее удастся издать. И как жаль, что "Самарканд", о котором она столько рассказывала, о Дуковичах, Фальке, Герасимове и многих других, уже никогда не будет прочитан нами.

Книга Дины Михайловны "Мои воспоминания" отпечатана на хорошей бумаге; не в цвете, но прекрасно передан акварельный автопортрет. В конце книги на 20 страницах приложены фотографии нежданно хорошего качества. Досадно лишь отсутствие расшрифтовки под групповыми снимками, да редкие опечатки напоминают о спешке (к юбилею училища). Хорошо было бы при переиздании книги (а оно, несомненно, будет!) дополнить книгу "именным указателем" и репродукциями некоторых картин учеников Дины Михайловны.

Дину Михайловну заботила судьба тяжелобольного сына и своих произведений. Конечно, она мечтала о создании своего музея. Но на 6-м этаже (в доме без лифта), в коммунальной квартире, где она жила, сделать это невозможно, а переезжать куда-то ниже она не хотела.

За полвека жизни здесь она полюбила и этот район (Сабанский переулок) вблизи парка Шевченко, и перспективу, которая открывалась с ее двух балконов (и которую она часто писала). Была огорчена новостройками, портящими перспективу, заменой дома Бернардацци домом, архитектура которого создана по мотивам дома Бернардацци.

В заключение хочу привести "Завет" Дины Михайловны из книги (стр. 109):

"Художники не умирают. Они живут в своем наследии, которое мы, неблагодарные, должны научиться хранить на радость тем, кто чувствует и понимает их".

Говорят, что Музыка возвышает душу. То же самое можно сказать о Живописи Дины Михайловны Фруминой.

1) Через несколько лет это было сделано.
2) К 2005 году.

